“Анна...?”

“Мисс...”

Анна, которую ничем нельзя было поколебать, позвала меня дрожащим голосом и после долгой паузы едва смогла заговорить.

“Почему вы ничего не говорили, пока это не случилось?”

Любой был бы разочарован. Я бы тоже расстроилась.

Если бы я не была под этими дурацкими ограничениями, когда ничего не могла сказать о том, как со мной обращались Ригельхоффы, я бы, наконец, кому-нибудь рассказала.

Но для тех, кто не знает и не может понять, нужно правдоподобное оправдание.

“Как я могла тебе это сказать?”

Я обернулась и увидела, как Анна нахмурила брови. Я никогда не видела, чтобы выражение ее лица менялось так резко.

С этим единственным словом она все поняла и больше ничего не спрашивала.

Она - пример пронизательной горничной.

“Прошу прощения за свою грубость, я применю лекарство”.

Я плюхнулась на кровать и позволила Анне обнять меня за руку.

‘Хорошо, что я избавилась от Софии... но я боюсь последствий этого’.

В истории Софии оставалось еще несколько эпизодов, и я боялась, что эта часть трансформируется и нападет на меня.

Но одна вещь с тех пор с удовлетворением засела в моем сознании.

‘Киллиан выгнал Софию из-за меня, потому что знал, что я не смогу сделать это сама...’

Должно быть, он заметил мое затруднительное положение в Ригельхоффе.

И вот я здесь, избитая служанкой, а граф Ригельхофф присылает экипаж, чтобы вернуть Софию целой и невредимой, вместо того, чтобы беспокоиться о моей безопасности...

Этого трудно не заметить. Кажется, даже Анна заметила.

Но вместо того, чтобы повернуться ко мне спиной, никчемной заложнице, Киллиан вышвырнул Софию вон.

‘Это та часть, где я могу надеяться, верно?’

Конечно, я вряд ли ожидала, что Киллиан вышвырнет меня вон.

Я более главная героиня, чем София, и мое повествование важнее ее.

Мне еще многое предстоит сделать, и я верю, что течение истории еще не исключает меня.

Тем не менее, было утешительно знать, что Киллиан не проигнорировал мою ситуацию и предпринял некоторые действия.

‘В такие моменты нужно быть настороже. Вы видите это в фильмах и драмах, где люди теряют бдительность и все портят’.

Я не знаю, насколько сильно Киллиан симпатизировал мне. Но я точно знаю, что он видел во мне женщину, которая использует свое тело, чтобы прикрыть свои недостатки, когда она находится в невыгодном положении.

‘Поэтому в будущем мне ни за что не следует флиртовать с ним, сохранять дистанцию. И, возможно, однажды он поймет, что я не такая женщина’.

Тогда он будет ненавидеть меня меньше, а когда узнает, что со мной случилось, возможно, даже простит меня, когда Ригельхоффы встретят свою кончину.

‘Отлично, давай сделаем это!’

Я немного скривилась от хихиканья, а Анна подумала, что я плачу, поэтому она накрыла мою руку своей и похлопала меня по спине.

Что ж, это не так уж плохо.

Автор оригинала.

Она называет себя К.

[Т / П: Личность К. здесь все еще неизвестна, поэтому я использовала местоимение "он".]

А я буду использовать местоимение "она", потому что согласно моим наблюдениям такие вот "сидровые"(мерисьюшные) романы, где мир крутится вокруг женской главной героини, пишутся неопытными девочками-писательницами, воплощающие в жгг себя, но с лучшими качествами, чем есть у них

Она давно забыла свое настоящее имя, но это ее не беспокоит.

Что для нее важно, так это этот мир.

Мир, созданный ею самой, идеальная Лизе Синклер.

К. любит Лизе Синклер, главную женскую роль, которую она создала.

Она идеальная главная героиня, исполняющая каждое ее желание до такой степени, что она удивляется, как она могла создать такое прекрасное существо.

Настолько, что когда она умерла и перевоплотилась в этот мир, она думала, что была благословлена Богом.

Какая это была радость - иметь возможность жить в мире, где созданные ею персонажи были живы и здоровы.

Возлюбленная Лизе так прекрасна, и главные мужские роли для нее - воплощение фантазии.

Наблюдать за их жизнью и любовью, разворачивающимися у нее на глазах, было захватывающе.

Но, прожив одну и ту же жизнь в пятый раз, К. впервые осознала, что это может быть не благословением, а проклятием.

Цикл, в котором она просыпается в начале истории, а в конце все как в тумане, а затем она снова возвращается к началу...

К. застряла в аду бесконечного цикла.

Но К., которая так любит историю и созданных ею персонажей, отрицала это.

‘Мир, который я создала, не может быть адом, так что... да, давайте придадим истории изюминку!’

К. поняла, что история должна измениться, чтобы она могла пережить постоянное повторение жизни, но ее желание выделить Лизе не уменьшилось.

Решение было простым.

‘Мне нужна более живая злодейка’.

Поэтому К. распространила эту историю на другие измерения вселенной.

И та, кто прочитает это и найдет интересным, будет обладать Эдит Ригельхофф.

Это дало интересный эффект.

‘Как и ожидалось, я не ошиблась’.

Новые души, которые прочитали оригинальную историю и быстро смирились с тем, что попали в рофанский роман, продемонстрировали интересное поведение.

Сначала они радовались при мысли о том, что они обладают злодейкой.

Тогда они пытались быть хорошими, в отличие от Эдит в оригинальной истории.

Однако, если ход оригинальной истории не изменялся, а сравнение с Лизе продолжалось, они становились новой злодейкой, несравнимой с оригинальной Эдит.

Это позволило К. забыть о скуке ее однообразной жизни, в то время как Лизе с каждым разом становилась все более заметной героиней.

К. доставляло удовольствие делать Лизе максимально привлекательной.

Но она не чувствовала, что была несправедлива. В конце концов, новая душа умерла и теперь вселялась в мертвеца. И она создала систему, которая позволяла Эдит идти против течения оригинальной истории.

Система называется “Трехуровневое условие исключения”, и всякий раз, когда выполняется условие каждого из них, контроль К. ослабляется и возникает исключительная ситуация, благоприятная для редактирования.

Однако каждый раз, когда происходит обратное, поток оригинала становится сильнее.

Конечно, выполнить условия исключения непросто, потому что это игра, выгодная К. Однако была девятая Эдит, которая выполнила первое условие исключения.

Это было прекрасно. На самом деле это сделало историю более интересной.

Но К., которая относилась ко всем Эдит так, словно их жизни были не более чем муравьями, на этот раз чувствовала странное напряжение с тринадцатой Эдит.

‘На этот раз все по-другому’.

Эту Эдит трудно определить одним словом.

Я думала, она скоро сдастся, но в ней было что-то странно настойчивое.

Большинство редакторов начинали паниковать и срываться, когда их обвиняли в утечке документов.

В частности, на этот раз, чтобы изобразить Эдит виновницей, я даже ввела новую настройку, “Не использовать таблицы при форматировании”, поэтому я подумала, что другие персонажи также будут сильнее подталкивать Эдит к роли злодейки.

Эдит, однако, была невозмутима. Она спокойно посмотрела на улики, которые изобличали ее, как бы говоря: “Посмотрим, что получится”. Затем принесла документы, которые она организовала, и даже свой собственный дневник, который она сравнила с записями в поддельном письме, чтобы доказать свою невиновность.

Ее аргументированные доводы убедили остальных, и эпизод, который должен был показать Эдит в роли шпионки, резко оборвался.

Итак, я подумала, что она была настойчивой, а потом внезапно, как будто она махнула на все рукой, она вошла в комнату Киллиана посреди ночи и сделала то, что делала Эдит в оригинальной истории.

‘Я не знала, что именно так она выполнила первое условие’.

Даже то, как она выполнила условие “Следовать тому, что Эдит не удалось сделать в оригинале”, отличается от того, что делали другие Эдит.

В то время как некоторые другие Эдит выполняли первое условие, будучи привязанными к Киллиану или следуя приказам графа Ригельхоффа.

Они пытались спасти свои собственные жизни.

Однако тринадцатая Эдит просто поцеловала Киллиана.

Она прошла только первый уровень, потому что поцелуй был частью неудачного плана первоначальной Эдит, но ее истинные намерения были далеки от намерений первоначальной Эдит.

В любом случае, как только первое условие было выполнено, человек, столкнувшийся в то время с поведением Эдит, Киллиан, начал меняться.

Количественно контроль К. над Киллианом снизился со 100% до 70%.

До этого момента она не беспокоилась о том, что Эдит пройдет первый уровень, в результате чего его контроль над Киллианом уменьшится. Это было потому, что другие Эдит никогда не заставляли Киллиана менять свои чувства.

Однако на этот раз Киллиан начал проявлять интерес к Эдит.

Как же она была удивлена, когда поняла, что Киллиан провел ночь с ней, персонаж, которого она создала, и все же он казался чужим.

‘Несмотря на то, что Киллиан - персонаж с импульсивной стороной...’

Я впервые вижу, как персонаж выходит из-под моих, автора, рук.

И все это было исключительной ситуацией, которая произошла из-за вероятности, созданной тринадцатой Эдит, и это было главной причиной, по которой К. нервничала из-за этой Эдит.

Есть еще кое-что, что отличает эту Эдит.

‘Я не знаю, осознавала ли она это, но она привлекла статистов, которых я не могу контролировать’.

Возможно, К. и создала этот мир, но она не совершенный бог.

Главная сила, управляющая миром, - это “течение истории”, за которым следует вероятность, а К. - просто автор, попавшая в ловушку истории.

Тем не менее, она может контролировать небольшой сеттинг истории и управлять персонажами. Чем тщательнее она создает персонажей, тем сильнее становится ее контроль.

Следовательно, многие неназванные статисты не находятся под ее контролем.

Вот почему она смогла заставить так много разных людей овладеть Эдит.

<http://tl.rulate.ru/book/106397/3841468>